

«НЕ ХОДИ НА МОСКВУ»

Галина Невская

«22 июня 1941 года муж забрал меня из больницы, где я лежала после родов. От бородинской больницы до Бородинского музея — 15 минут неспешной ходьбы. Идем и вспоминаем...

Я пришла сюда работать медсестрой в 1938 году, а Сережа годом раньше, в 1937-м, стал директором музея. Дружили. Свидания назначали у памятника егерям... Потом — разлука: началась война с Финляндией, и меня мобилизовали в один из эвакогоспиталей. Вернулась я в Бородино летом 1940 года, и с той поры мы с Сережей Кожуховым не расставались. А теперь вот стало нас трое. Несем домой своего Ванечку и нарадоваться не можем — друг другу, счастьем своему, лету, солнцу. Дом наш — маленькая комнатка — был в самом музее. Только пришли, не успела оглядеться — слышу шум какой-то, стук в дверь и крик: «Война! Война началась!...»

Предчувствием беды, страхом за близких, ненавистью к фашистам ворвалось это слово в уютный, спокойный мир Анны Федоровны Кожуховой, автора этих воспоминаний.

В первые недели войны немцы одерживали победу за победой, Красная Армия отступала по всему фронту. В середине июля немцы вошли в Смоленск. В те дни Сергей Иванович Кожухов вывез в Москву, в Исторический музей, картины Верещагина, русские знамена.

В августе — сентябре Бородинское поле стало неузнаваемым: на нем появились противотанковые рвы, эскарпы и контрэскарпы, доты, дзоты, окопы. 30 сентября 1941 года немецко-фашистские войска начали наступательную операцию «Тайфун», предполагая мощным ударом взять Москву.

На московском направлении гитлеровское командование сосредоточило «цвет» танковых, моторизованных, пехотных и воздушных сил. По замыслу врага, удар группы армий «Центр» должен был привести к полному разгрому войск Красной Армии на этом направлении. В группу входил и 40-й механизированный корпус в составе трех дивизий. Одной из них — моторизованной дивизии СС «Райх» — поручалось не только идти маршрутом Наполеона, но и первой войти в Москву и открыть парад немецко-фашистских войск на Красной площади.

Советское командование спешно перебрасывало к Москве резервы. 10 октября командующим Западным фронтом был назначен генерал армии Г.К. Жуков. По словам К.К. Рокоссовского, «он принял на себя бремя огромной ответственности. Ведь к тому времени, когда мы вышли под Можайск, в руках командующего

Западным фронтом было очень мало войск, и с этими силами надо было задержать наступление противника на Москву».

«Под Можайск» — значило: «к Бородину». Здесь 9 октября уже началось формирование 5-й армии. Начальник Генштаба Б.М. Шапошников, напутствуя назначенного командующим армией Героя Советского Союза генерал-майора Д.Д. Лелюшенко, обещал поддержку в несколько дивизий и напомнил о главной задаче: «... прочно удерживать оборону между Волоколамским и Малоярославским шоссе и не допустить врага на Москву». Удерживать предстояло два шоссе — Минское и Можайское — и железную дорогу.

Общее положение под Москвой в те дни было настолько катастрофическим, что обещанные Шапошниковым дивизии были направлены на другие участки фронта, и вся тяжесть боев на можайском направлении легла на 32-ю Краснознаменную стрелковую дивизию. Дивизия, ставшая ядром 5-й армии, была кадровой, одной из старейших в Красной Армии. Дислоцировалась на Дальнем Востоке. Орден Красного Знамени получила в 1938 году за бои с японскими захватчиками, вторгшимися на территорию СССР.

Впоследствии и рядовые участники событий, и военачальники были единодушны в высокой оценке действий 32-й дивизии в битве под Москвой, а также боевых и моральных качеств ее командира, полковника Виктора Ивановича Полосухина. О нем с глубоким уважением писали в своих мемуарах Г.К. Жуков, В.Д. Соколовский, Д.Д. Лелюшенко, Л.А. Говоров.

9 октября дивизия начала разгрузку в Можайске. Ее части сразу отправлялись в Бородино. На правый фланг направлялся 113-й стрелковый полк, в центре Полосухин решил поставить 322-й стрелковый полк (до его прибытия — приданный дивизии 230-й запасной стрелковый полк). Левый фланг стал расположением 17-го стрелкового полка. Становилось очевидным, что вот-вот подойдут сюда и немцы: несмотря на то, что в районе Вязьмы продолжали вести бои окруженные части Западного и Резервного фронтов, значительные силы противника, по данным воздушной разведки, уже появились в районе Гжатска. По дорогам шли беженцы, двигались отступавшие войска...

Пусто и тревожно стало в Бородинском музее. Аня Кожухова то ходила по залам, то сидела в своей комнатке и, прижимая к груди маленького Ванечку (ему ли, себе ли в утешение?), твердила, что все будет хорошо, вот только Сережа приедет — и все образуется. А Сер-

Здание Бородинского музея. Январь 1942 г.

гей Кожухов, уехавший на Западный фронт в район Гжатска с музейной выставкой, все не возвращался...

Появился он дома вечером 11 октября. Непривычно ему было видеть родной музей в окружении красноармейцев, занявших здесь свои позиции, маскировавших артиллерийские орудия, тянувших провода связи. «В этот вечер, — вспоминает Анна Федоровна, — уже были слышны сильные орудийные выстрелы, а ночью раздались оглушительные взрывы недалеко от музея: наши саперы взорвали мосты через реки Колоочь и Войну. Мы оделись и, несмотря на ночь, ушли в Можайск. Здесь великих трудов стоило Сергею Ивановичу добыть машину. Единственным человеком, который в этой ситуации нашел минуту, чтобы выслушать директора музея, оказался комендант города (жаль, не помню его фамилии). Для эвакуации музейных ценностей он выделил машину с прицепом».

Кожухов, оставив жену в Можайске, вернулся в Бородино. Потом он рассказал ей, что упаковывать и грузить экспонаты помогали бойцы, занимавшие позиции у музея. В качестве тары использовали ящики из-под снарядов и патронов. Первой поставили на машину коляску М.И.Кутузова. Погрузку закончили во второй половине дня. Когда отправились в путь, забуксовали недалеко от музея — у Псаревского леса. Именно в этот момент налетели немецкие самолеты, начался бомбежка. Артиллеристы (их орудия были невдалеке) вытащили машину буквально на руках.

Дорога до Москвы заняла трое суток — ехали ночами, спасаясь от бомбежек. Чудом остались живы, доездили все экспонаты. А сердце ныло: «Что там, в Бородине?» Тогда не знали, что именно 12 октября на Бородинском поле начались бои.

9 октября гитлеровцы захватили Гжатск. Полагая, что теперь до самой Москвы их никто не остановит, они действовали нагло: первые немецкие танки, появившиеся к вечеру 12 октября на Минском шоссе в районе деревни Ельни (южная часть Бородинского поля), двигались в два ряда с открытыми люками. Здесь их встретили бойцы 17-го стрелкового полка 32-й дивизии.

13 октября по всему фронту армии развернулось ожесточенное сражение. Однако сил сломить русский дух у немецкой лавины не хватило.

Немцам казалось, что еще мгновение — и сопротивление красноармейцев будет сломлено. Командующий группой армий «Центр» Ф.фон Бок, оценивая общую обстановку на Можайском направлении, поспешил констатировать в своем приказе от 14 октября, что противник перед фронтом группы армий разбит и что группа армий преследует противника.

А «противник» переходил в контратаки, отбивал захваченные немцами деревни, с яростью дрался врукопашную. Казалось, само провидение помогало нашей обескровленной, измотанной армии защищать столицу на священном поле.

Обстановка под Москвой к этому времени была настолько сложной, что 15 октября Сталин провел совещание. Постановление Государственного Комитета Обороны «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». Постановление начиналось словами: «Ввиду неблагоприятного положения в районе Можайской линии обороны...» Но линия — с зияющими брешами, с окруженными подразделениями — продолжала сдерживать противника. Именно в этот день, 15 октября, в бою под Артемками при отражении танков и мотопехоты противника, прорвавшихся к командно-наблюдательному пункту армии, был ранен генерал Д.Д.Лелюшенко.

В командование 5-й армией вступил генерал-майор артиллерии Л.А.Говоров. Новый командующий срочно выехал в Артемки — за ними до Москвы никаких войск не было...

В течение ночи на 16 октября немцы подняли к фронту части 9-го армейского корпуса. Бои развернулись на участке Шевардино — станция Бородино. В результате многочасовых боев противник овладел железной дорогой, станцией и начал наступать на деревню Семеновское. Весь день бои продолжались в центре Бородинского поля. Немцы упорно пытались прорвать оборону 5-й армии. Армия столь же упорно стояла.

До конца выполнили свой долг воины героического 3-го батальона 322-го стрелкового полка и их командир Б.А.Зленко, батальон курсантов во главе с майором М.Т.Малыгиным (из 600 курсантов политучилища в живых к концу боев осталось 113), артдивизион 133-го легкоартиллерийского полка капитана В.А.Зеленова, танкисты полковника А.С.Дружинина... Потери, особенно в стрелковых полках, были огромными. Вся 32-я дивизия на Бородинском поле потеряла до 70 процентов личного состава.

Командир 65-го отдельного противотанкового дивизиона 32-й дивизии Николай Николаевич Беляев зафиксировал в своей записной книжке некоторые моменты последних боев на Бородинском поле:

«17 октября. Что же в конце концов случилось? Мы здесь почти все — артиллеристы. Кругом противник... Полосухин с нами. Его бодрость придает нам силы».

Противник, введя в бой свежие дивизии 9-го корпуса, 18 октября нанес удар по 113-му стрелковому полку — на Логиново и село Бородино, и в направлении Новой Деревни — в стык 322-го и 17-го стрелковых полков.

Командующий 5-й армией Л.А.Говоров понимал, что сделано уже невозможное, что понесшей большие потери 32-й дивизии и другим частям армии придется отходить. В этот день немецкие танковые клинья охватили фланги 5-й армии. Враг решил обойти непобежденное Бородинское поле...

Поэт Сергей Васильев, в 1942 году написавший поэму «Москва за нами», посвященную отважным воинам 32-й дивизии, вспомнил и об этом печальном дне:

Мы отошли. Но помни нас, страна, —
Мы здесь стояли за тебя стеною.
Враги продвинулись. Но стороною,
Как черти ладана боясь Бородина...

Шестидневная задержка врага на Бородинском поле позволила командующему Западным фронтом Г.К.Жукову подтянуть резервы и в районе Кубинки создать новую оборонительную полосу. Здесь в конце октября противник был остановлен. Но тяжелые бои под Москвой продолжались по всему фронту еще весь ноябрь.

Из столицы в это время эвакуировали на восток предприятия, учреждения, вывозили ценности. Председатель Мособлсовета П.С.Тарасов помог получить С.И.Кожухову вагон («пульмановский», как пишет Анна Федоровна), и в 20-х

числах ноября экспонаты Бородинского музея, а вместе с ними Истринского областного, поехали в Алма-Ату.

«В вагоне холод. Приспособили железную печку. Уголь просили то у машинистов, то добывали на полустанках. Питание тоже нужно было где-то искать. У нас был эвакуационный лист, но продукты выдавали по нему, как правило, в центре населенных пунктов. А попробуй, доберись туда от вокзала, когда не знаешь, сколько будет стоять эшелон... В Алма-Ату приехали в конце декабря».

Еще в пути Кожуховы узнали, что под Москвой в начале декабря Красная Армия перешла в контрнаступление.

Можайск и Бородино 5-я армия освобождала уже в январе. За три месяца оккупации гитлеровцы превратили древний город в мощный узел сопротивления. Свою землю красноармейцы отвоевывали метр за метром. Штурм Можайска продолжался несколько дней — 20 января его освободили. Решающий удар нанесли части 82-й мотострелковой дивизии и 60-й стрелковой бригады, входившие в 5-ю армию.

Задачу по освобождению Бородина и сохранению памятников русской воинской славы командарм Говоров поставил 82-й дивизии и ее командиру Н.И.Орлову. Спустя десятилетия воины рассказывали, какие чувства испытывали они на освобожденной бородинской земле:

«Мы стояли у памятника Кутузову в Горках и радовались, несмотря на то, что от усталости и напряжения последних дней буквально валились с ног. А наш лейтенант вдруг показал вдаль: «Смотрите, это музей горит». Стало тихо. Каждый в эту минуту просил, наверное, прощения у поруганного святого поля и клялся отомстить», — таким запомнил день 21 января 1942 года бывший водитель 601-го мотострелкового полка Яков Кубрак.

Слово «Бородино» не сходило в те дни со страниц газет. Авторы больших и маленьких заметок обязательно проводили параллели с 1812 годом. Илья Эренбург в «Красной звезде» писал: «Почему немцы устроили в музее Бородина скотобойню? — Они мстили славным предкам за доблесть столь же славных потомков. Они хотели уничтожить память о 1812 году».

Военный обозреватель американского агентства «Юнайтед Пресс» в газете «Уничтожим врага» сравнивал положение германских войск с положением наполеоновской армии: «История, очевидно, повторяется. Разница заключается в том, что русские в 1942 году в отличие от своих предков в 1812-м изменили положение в свою пользу без потери своей столицы. Немцы отстают по той же самой дороге на Смоленск, по которой отступал Наполеон».

Английский фельдмаршал Б.Монтгомери (удостоенный за войну с фашистской Германией высшей воинской награды Советского Союза — ордена «Победа») подвел позже собственный итог Московской битвы: «Первое правило, начертанное на первой странице Книги войны, гласит: «Не ходи на Москву». Различные лица, Наполеон и Гитлер, пробовали это, и попытка не принесла им добра».

За отличие в боях под Москвой 32-я и 82-я дивизии, другие части 5-й армии получили наименование гвардейских, многие бойцы и командиры были отмечены высокими государственными наградами.

Почему потом ветераны 5-й армии выбрали местом своих ежегодных встреч Бородино? Почему сюда везли своих детей, а потом внуков? Перед ними этот вопрос не вставал. Поле, на котором незаживающими ранами навечно остались противотанковые рвы, доты, окопы, — стало и их сердечной раной, их судьбой...

Не сразу мир и покой пришли на бородинскую землю.

И пеший путь, и конный, и машинный,
Один пока на все Бородино,
Щитками стиснут:
«Мины», «Мины», «Мины».
Святых реликвий нет — и лишь руины
Там, где музей стоял не так давно...

Эти строки — из автобиографической поэмы украинского поэта Платона Воронько, предки которого сражались на Бородинском поле в 1812 году. Книгу, отправленную в музей, поэт сопроводил дарственной надписью: «От бывшего командира группы минеров, разминировавших Бородинское поле весной 1942 года». Тепло вспоминает автор о ребятах, присланных ему в помощь из Можайска, Вереи, окрестных сел и возвращавших «священную землю под плуг, под посев».

В сентябре 1942 года страна, продолжавшая войну с немецко-фашистскими захватчиками, отметила 130-летие Бородинского сражения. Конференции, выставки, тематические вечера — далеко не полный перечень проведенных мероприятий. А в Бородино приехали те, кто защищал его в октябре 41-го и освобождал в январе 42-го. Ходили по местам боев, фотографировались у памятников, встречались с местными жителями — теми, кто прятал раненых, хоронил убитых. И, поминая павших, начали с комдива. Полосухин погиб 18 февраля 1942 года километрах в сорока от Бородина, у деревни Васильки. Местом его вечно-го упокоения стала можайская земля. Гроб с телом любимого командира однополчане пронесли через весь Можайск на руках. А дивизию продолжали называть «полосухинской» всю войну.

130-летие широко отмечали и в Алма-Ате. В переполненном зале Дома обороны, где разместилась экспозиция эвакуированного Бородинского музея, прошел вечер. С.И.Кожухов

сделал доклад. Выступали артисты «Мосфильма» Б.Чирков, М.Жаров. Читали номер «Правды», посвященный юбилею и новым героям Бородина. Больше всего вдохновила Кожуховых маленькая заметка со строкой «надо быстрее восстановить Бородинский музей».

Но возвращение состоялось лишь весной 1943 года...

То, что увидели музейщики, придя к родным стенам, потрясло. Казалось, никаких сил не хватит, чтобы вернуть музей к жизни. Сергей Иванович работал днями и ночами, не жалел себя и жену. Добывали инструменты, стройматериалы. Участвовали в ремонте — пилили, строгали, штукатурили. Потом создавали экспозицию.

«15 октября 1944 года открыл Бородинский музей, — записал Сергей Иванович в своем дневнике. — На Батарее Раевского прочитал доклад. Всем понравилось».

В этот день, ставший настоящим праздником, из Москвы до Бородина был отправлен специальный поезд. Гостей было много. Не было лишь тех, кто прославил это поле в Московской битве. Но бывают в жизни странные совпадения, которые осознаются лишь с годами, как нечто очень важное, существенное. Именно в этот день, 15 октября 1944 года, воины 5-й армии вступили в Восточную Пруссию. В войсках было зачитано обращение Военного совета: «Товарищи! Вы подошли к границам Восточной Пруссии. Вы вступаете сейчас на землю, которая вырастила фашистских извергов, опустошавших наши города и села... Пришел и на нашу улицу праздник... Вперед, товарищи!»

Но путь от границ гитлеровской Германии к победе оказался еще очень долгим. Враг сопротивлялся ожесточенно и отчаянно. По разным фронтам раскидала судьба героев Бородина: одни добивали немцев на Балтике, другие окказались в Чехии, Австрии.

Пришла победа — долгожданная, выстраданная. Всенародная — как и война, названная народом Великой Отечественной. Ее салютовали на всех фронтах, ей радовались в каждом доме.

В Бородине День Победы начался буднично и просто. 9 мая 1945 года рано утром Анна Федоровна Кожухова ушла в Можайск — получать по карточкам хлеб. Уже возвращалась — до музея оставалось совсем немного. «Вдруг вижу, бежит навстречу Сергей и кричит: «Победа! Победа! Мы победили!.. Над Берлином наш красный флаг!..» Мы обнимались, плакали и смеялись — такое это было счастье...»

С.И.Кожухов, директор Бородинского музея. 1951 г.

